

ВОЗНИКАЮЩЕЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

С.Н. КОСТРОМИНА, Н.В. ГРИШИНА

Санкт-Петербургский государственный университет

Обсуждаются теоретические и методологические вопросы изучения личности с учетом изменившейся реальности. В поиске новой методологии в современной психологии личности обозначаются потенциальные точки соприкосновения представлений о процессуальной природе личности на основе динамично развивающихся направлений: психологии изменения и психологии возможного. С опорой на динамический подход (К. Левин, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова и другие) и теорию нелинейных систем (И.Р. Пригожин) обосновывается идея о необходимости изучения личности как непредсказуемо, необратимо и неопределенно изменяющейся системы. В связи с этим предметом исследования для понимания изменчивости личности должно выступать не существующее, а возникающее. В этом ракурсе будущее становится главным измерением, а возможные будущие события – значимым источником объяснения настоящего. Смещение фокуса внимания с существующего на возникающее дает возможность раскрыть процессы обретения личностью параметров нового порядка – событий, которые не имеют обратного движения, которые происходят за счет неограниченной вариативности возможных способов существования системы. В контексте возникающего время обретает для личности новый смысл. Оно представляет собой внутреннюю переменную – историю, которая различает прошлое и будущее, обозначает направленность становления пространственно-временной организации личности и ее переход на новый режим функционирования. Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений. Изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Момент соединения возможного с готовностью/способностью личности к изменениям порождает возникающее. Таким образом, исследование возникающего в психологии личности определяется его пониманием как результата изменений в пространстве возможного.

Ключевые слова: психология личности, процессуальность, существующее, возникающее, устойчивость, изменчивость, неравновесность, необратимость, психология изменений, психология возможного.

В психологической науке XXI в. активно обсуждаются проблемы методологии исследований в области психологии личности. Развернувшаяся дискуссия во многом связана с неудовлетворенностью классическими подходами, основанными на изучении широкого набора черт личности и того, как они могут служить основанием для прогнозирования различных видов поведения и деятельности. Критике подвергается не только противоречивость и слабая согласованность получаемых данных, неспособность объяснить вариативность поведения человека во времени и в разных ситуациях, но и проецирование усредненных

абстрактных моделей на реальных людей (Gosling, 2016), упрощенность используемых объяснительных моделей (Johnson, 2018), их фрагментарность (Toomela, 2007) и статичность (Valsiner et al., 2009).

Традиционные исследовательские схемы, используемые в психологии личности, во многом сформировались под влиянием методологических и теоретических принципов естественных наук, способствовавших развитию в психологии практики экспериментальных исследований, обеспечению корректности проводимых исследований, их надежности и т.д. Эмпирические исследования и психологическая

практика, которые опирались на объяснительные модели классических теорий личности, способствовали развитию и упрочению структурно-функциональной парадигмы как наиболее оптимальной и наукообразной. Идеи, лежащие в ее основе, закрепили статус «прошлого опыта» (детского опыта — З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни и другие, выученных потребностей — Дж. Роттер, подкрепленных или неподкрепленных действий — А. Бандура и т.д.) в качестве объяснительного принципа по отношению к настоящему и основы прогнозирования будущего поведения личности. Центром исследовательского поиска стало выявление с помощью создания и совершенствования личностных опросников (Big Five, HEXACO и т.д.) закрепившихся в поведении человека устойчивых характеристик — характерологических паттернов и предрасположенностей человека вести себя сходным образом в различное время и в различных ситуациях (Р. Кеттелл, Г. Айзенк и другие). Такой поворот от персонологии Г. Мюррея к «измерительной» психологии личности в значительной степени вытеснил интерес к пониманию уникальности и разнообразия внутреннего мира человека, сведя методологию исследования до уровня «технологического решения» — максимально точно и объективно измерить ту или иную личностную характеристику.

Д.А. Леонтьев в качестве ключевой проблемы, сдерживающей развитие психологии личности, называет механистический перенос методологии естественных наук, рассматривающих любое явление через призму законосообразности, и принятие в качестве неопровержимого постулата «жесткого» детерминизма при объяснении психологической феноменологии (Леонтьев, 2011). Острота проблемы усугубляется меняющимся в современной реальности характером отношений человека с окружающим миром. Эти изменения кардинально трансформируют и жизненный

мир человека, и его отношения с миром, где вызов сложности переплетается с вызовом неопределенности (Чиксентмихайи, 2017; Леонтьев, 2018; и др.). Традиционные исследовательские решения оказываются не только не способны объяснить расширяющуюся «жизненную феноменологию» личности, но и в принципе не соответствуют реальности существования «изменяющегося человека в изменяющемся мире», что усиливает критику в их адрес.

Современная психология личности — это психология современного человека. В своей работе «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» А.Г. Асмолов обозначает психологические проблемы, которые не укладываются в прокрустово ложе классической психологии личности. Понимание этих проблем и их психологических последствий требует установления мостов между гуманитарными и естественными науками «с опорой на оптику историко-эволюционного подхода к развитию человека в биогенезе, антропогенезе, этногенезе, социогенезе и персоногенезе», необходимости видеть «ценностные основания разных измерений», понимать «смешанные линии эволюций» при освоении сложности и неопределенности современного мира (Асмолов, 2015).

Попытки преодолеть инертность классической методологии через формулирование основных вызовов современности и уточнение противоречий между «статистической» структурной психологией личности и реальной личностной феноменологией выливаются в поиск новых исследовательских решений (Гусельцева 2019; Valsiner, 2018; и др.). Поиск новой методологии в современной психологии личности, формирование нового понимания природы личности и теоретико-методологических принципов ее изучения созвучны контексту современности и испытывают на себе влияние процессов, происходящих в обществе. *Цель*

данной статьи — обозначить потенциальные точки соприкосновения современных представлений о личности и перспективы исследования ее процессуальной природы на основе динамично развивающихся направлений: психологии изменения и психологии возможного.

**ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ XXI В.:
ОТ МЕТОДОЛОГИИ УСТОЙЧИВОСТИ
К МЕТОДОЛОГИИ ИЗМЕНЧИВОСТИ**

Две основные тенденции: ориентация на прошлый опыт человека в качестве основы понимания его актуального поведения и прогнозирования, а также анализ эмпирических данных в логике больших чисел (с аксиомой нормального распределения и линейными закономерностями) — определили методологию психологии личности XX в., которую в целом можно охарактеризовать как «психологию устойчивости». В парадигме устойчивости предшествующие состояния и процессы обретают осязаемые черты через «обратные проекции» (Valsiner, 2018), «объяснение подобного подобным» (Uher, 2020), законосообразность и пандетерминизм (Зинченко, 2007; Леонтьев, 2011). Методология «обратных проекций» предполагает, что существует ряд явлений (например, X, Y или Z), которые имели место в прошлом и объясняли события типа В. Если вдруг появляется неожиданное событие С и оно не объясняется принятыми переменными,

то исследователь начинает искать причину в пределах допустимых, но ранее неучтенных объяснений. «Исследователь, — пишет Вальсинер, — выбирает из прошлого новый фактор А, пытаюсь найти связь со следствием С. Если такая связь математически подтверждается, он просто добавляет новую причинную связь к ранее принятым. Однако эта “новая” связь есть ни что иное как реконструкция условий прошлого» (Valsiner, 2018, p. 3).

Зачастую такая причинно-следственная связь выстроена по принципу «*объяснение подобного подобным*» (Uher, 2013, p. 3). У нас есть некий объяснительный конструкт (Д), который мы построили на основе оценки неких наблюдаемых проявлений (Б). Например, мы считаем, что проявления общительности и коммуникабельности (Б) являются статистическими проявлениями открытости (объяснительный конструкт Д). Открытость, в свою очередь, есть мера доверия личности (С), которое лежит в основе альтруистических проявлений (А) или суверенности психологического пространства (Е). Полагая, что Д является мерой Г, которая лежит в основе А, мы делаем вывод, что Д измеряет то, что лежит в основе А и что таким образом можно объяснить А. Получается, что открытостью (Д) как чертой личности мы объясняем уровень альтруизма (А), хотя на самом деле мы объясняем альтруизм опытом проявления общения, коммуникабельности, контактности (т.е. Б) (см. схему на рис. 1. В этой

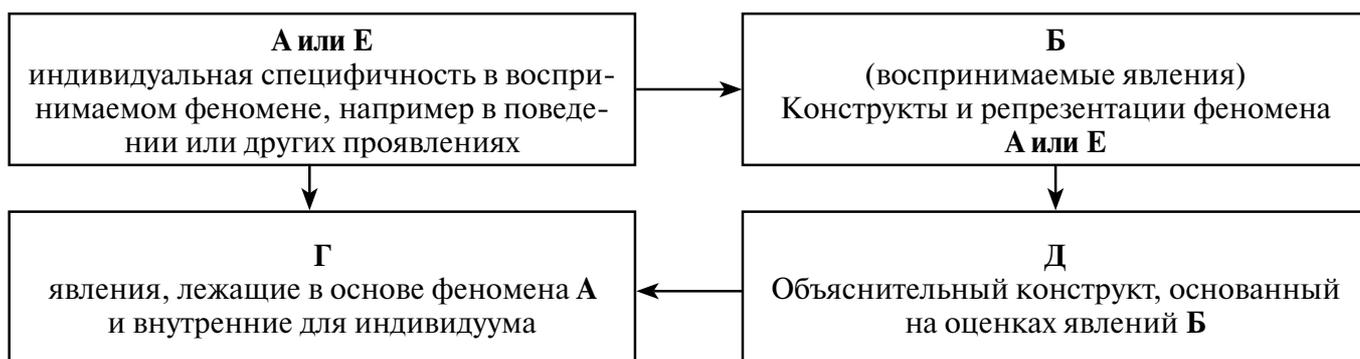

Рис. 1. Фундаментальная замкнутость психологических объяснений, основанных на концепции черт: циклическое объяснение А с помощью Д (по: Uher, 2013, p. 26)

ситуации мы верим, что черта личности предсказывает поведение. Однако по факту мы объясняем поведение поведением, поскольку наше суждение о личности построено на описании ее типичного проявления.

Типичное, а следовательно, устойчивое поведение — главный критерий его воспроизводимости, так ценящийся в мире научного знания. Опора на устойчивые конструкты обеспечивает определенность и предсказуемость причинно-следственного соответствия, укладывающегося в правила «естественного порядка», т.е. в привычную гомогенизацию разнородных классов явлений. Количественные колебания личностных характеристик анализируются в логике больших чисел. Следуя аксиоме нормального распределения, выбивающиеся из нормального распределения значения отбрасываются, поскольку рассматриваются как шумовые артефакты, нарушающие законосообразность изучаемого явления.

Однако стабильность не есть унификация. Важным условием устойчивости сложной системы является необходимое разнообразие ее единиц (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017). Стремление к научной точности в установлении причинно-следственного соответствия обернулось укоренением представлений о детерминированности человеческой жизни генетическими, средовыми и ситуационными факторами (Леонтьев, 2011), верой в предопределенность поведения, а значит в возможность предвидения и предсказания будущего поведения человека. Однако детерминизм, возведенный в психологии в целом и в психологии личности в частности в принцип, «представляет собой одну из первых форм редукционизма в науке, <...>, символизирует победу метода над предметом» (Зинченко, 2007, с. 10), но мало дает для понимания личности как целого (Гришина, Костромина, 2021). Трудно не согласиться с высказыванием Toomela,

что «на протяжении последних 60 лет в психологических исследованиях представлены тысячи, если не миллионы способов того, как статистически предсказывать одну переменную посредством другой. В тоже время на многие фундаментальные вопросы не дается ответов по причине ограниченности методологического мышления» (Toomela, 2007, p. 18).

Современные представления о законах, управляющих ростом, распадом и взаимодействием в сложных открытых нелинейных системах, свидетельствуют о динамике (сменяемости) процессов устойчивости и изменчивости применительно к одной и той же системе, причем на уровне как отдельной клетки в организме, так и нейрональной сети, популяции, экосистеме или социальной системе (Николис, Пригожин, 1979). В динамике таких систем отклоняющиеся от нормального распределения значения являются в первую очередь маркерами неравновесности внутри системы, индикаторами роста энтропии в результате происходящих качественных изменений.

Я. Вальсинер обращает внимание на то, что усиление изменчивости — это процесс, который движется в противоположном от нормального распределения направлении и порождает все новые формы, способные расширять распределение и изменять его форму (Valsiner, 2017). Таким образом, любые отклонения от нормальных значений рассказывают историю качественного характера. Они — свидетельство внутренних процессов нарушения равновесия, которые сопровождаются изменением градиентов свойств системы личности, порождаемых нестабильными внешними условиями и динамическими процессами внутри системы. Именно вне зоны устойчивости происходят необратимые процессы наращивания сложности системы личности. «При самоповторении... живой элемент более или менее приходит в состояние неподвижности»

(Тейяр де Шарден, 2002, с. 212). Необратимость усиливается на макроскопическом уровне, затем на уровне жизни и, наконец, на уровне человеческой истории — пишет Пригожин (2000, с. 142). Самоорганизация в этом случае выступает альтернативой детерминизму, подразумевая потенциальную вероятность выбора одного из возможных вариантов (Пригожин, 2006). В этой комплементарности устойчивости и изменчивости личности проявляется ее процессуальная природа — живая, изменчивая, вариативная и множественная.

Сложность, множественность и непредсказуемость изменений подразумевает невозможность прогнозировать (вычислять) будущее на основе прошлого, поскольку речь идет о явлениях, не выводимых из предшествующих состояний. Личность в силу своей процессуальной природы — конструкт вероятностный. В таких системах прошлое может быть причинно связано с будущим поведением, но только косвенно, через множество условий. Оно может обеспечить прогнозный контроль (в случае реактивных действий и адаптивного поведения), но не позволит учесть то, что лежит вне горизонта генетической и социальной детерминации, и, возможно, оказывает большее влияние на личность и ее поведение в будущем. Поведение, направленное на преобразование ситуации, равно как и изменение собственных форм поведения, не может строиться на воспроизведении прошлого опыта и не соотносится с будущим, не может быть «футурологически слепым» (Талеб, 2009). Оно определяется целями и задачами будущего, «моделью потребного будущего» (в терминологии Н.А. Бернштейна). А.Г. Асмолов прямо формулирует «Субъект приходит в настоящее не прямо из прошлого, а строит свое настоящее как реализацию образа будущего, ... принцип предвосхищения является одним из ключевых принципов организации памяти (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, с. 10).

Взгляд на личность как непредсказуемо, необратимо и неопределенно усложняющуюся систему, диктуемый современной научной картиной мира и развивающийся в соответствии с принципами теории открытых систем, законами функционирования неравновесных систем, «философией нестабильности» И. Пригожина (1991) и схожих концепций, определяет смену методологической парадигмы с изучения прошлого на понимание будущего, с изучения статичных конструктов в сторону нелинейных, неадаптивных и непредсказуемых процессов с множественным исходом. В этом ракурсе будущее становится главным измерением, а возможные будущие события — значимым источником объяснения настоящего.

ВОЗНИКАЮЩЕЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Исторически сложившийся классический подход к изучению психологических явлений определяет их рассмотрение как некоторых существующих объектов. В свое время Н. Бор охарактеризовал такой подход как попытку согласовать описание априори неизвестных понятий с их существованием. Иными словами, в классической реальности свойства объектов заведомо существуют до их измерения и разделены в пространстве и времени (см.: Карпенко, 2016, с. 17).

Фокусировка на существующем в психологии основывается на образе устойчивого мира, рассматривающего сущее как существующее определенным способом бытия-в-мире, а его динамику как изменение существующего в заданных параметрах. В классическом миропонимании время — всего лишь некоторый параметр, не затрагиваемый преобразованием, которое он описывает.

Трудности объяснения многих явлений в дискурсе классической науки

подчеркивает ее соответствие идеализациям, выходящим за рамки концептуальных возможностей наблюдения (Пригожин, 2006, с. 17). Физика тоже прошла свой путь в попытке сведения природы явления к небольшому числу существующих элементарных единиц. Психология все еще продолжает «жить» в этом «простом описании», при котором личность предстает замкнутым универсумом, а ее сущность описывается устойчивой структурой; при этом то, что мы считаем элементами системы, само по себе обладает крайне сложной структурой: достаточно вспомнить, что с точки зрения физиологии представляют собой темперамент, эмоции или способности, или каковы механизмы становления убеждений, ценностей или направленности личности.

Существующее описывается в универсальных постоянных. В психологии личности примером этого является описание личности на основе теории черт, имеющих транситуативный и деконтекстуализированный характер, в которой пространство и время рассматриваются как неучитываемые инварианты.

Временная асимметрия сложных живых систем нивелирует роль начальных условий и усиливает значение времени, придавая ему историчность. «Жизнь рождает жизнь», пишет И. Пригожин (Там же, с. 247), подразумевая реальность и необратимость изменений. «Избыточная продуктивность» природы (как ее обозначал Р. Маргалеф, «барокко мира природы») есть свидетельство большей значимости биологического разнообразия, чем его организующего начала, направленного на упрощение и унификацию.

Понять его возможно только опираясь на процессы, описывающие *возникновение* иной (по сравнению с предшествующей) пространственно-временной организации, появление новых функций и «рождение» новых элементов, т.е. ту «цветущую слож-

ность» (К. Леонтьев, 1992), которая передает подвижную полноту многоликости, изменчивости и противоречивости постоянно эволюционирующей системы.

Психологи достаточно часто пишут о *возникающем* (возникают ощущения, эмоции, состояния, кризисы и т.д.), однако используют это понятие в общеупотребительном смысле. Между тем концепт «возникающее» имеет фундаментальный смысл. В физике и химии возникающее непосредственным образом связано с необратимостью изменений и энтропией. В биологии возникающее описывает процессы ароморфоза (А. Северцов, 1939), т.е. постепенного усложнения системы. В философии возникающее раскрывает процессы непрерывного перехода, превращения в другие формы и близк к понятию становления.

В предлагаемом нами понимании возникающее наделяется собственным содержанием, требующим определения его статуса в научной лексике¹. Возникающее есть результат процесса становления, в отличие от *есть*, для возникающего характерно *стать*. Природа возникающего — это природа бесконечно (пока существует система) становящегося. Эволюционный смысл возникающего определяет созидательные силы внутри системы, ее способность к самоорганизации.

Смещение фокуса с существующего на возникающее ни в коем случае не подразумевает отрицание одного и идеализацию другого в психологии. Речь в первую очередь идет о понимании «жизни» системы, в которой существующего не бывает без возникающего. Возникновение характеризует

¹ В научном дискурсе психологии используется понятие психологического новообразования, которое рассматривается как результат определенного этапа развития, результат влияния генетических или социальных факторов, которое появляется вследствие действия определенных законов развития, а потому имеет иную природу, чем предлагаемое нами понятие *возникающего*.

процессы обретения системой параметров нового порядка — событий, которые *не имеют обратного* движения, поскольку образующиеся взаимосвязи элементов наделяют систему новыми качествами, но и разрушившись, ведут к новым качественным изменениям. Таким образом, предметное содержание возникающего определяется *необратимостью* происходящих изменений, которая приносит неожиданные свойства и дает ключ к переходу от существующего (бытия) к возникающему (становлению) (Пригожин, 2006, с.18).

Возникающее может принимать характер видимого результата как появление нового в структуре и функционировании личности, новых функций и новых форм активности. В психологии личности его исследования представлены изучением динамики изменений свойств и качеств личности во времени (на протяжении жизни, разных возрастных отрезков и т.д.), изменений корреляционных связей между параметрами и т.д. Другой уровень возникающего связан с невидимым (незаметным) уровнем изменений, происходящих в связи с неустойчивостью (слабой устойчивостью) сложной динамической системы личности (Костромина, 2021). Потенциал неравновесности открывает возможность для возникновения уникальных событий «за счет неограниченной вариативности возможных способов существования объектов, уникальных событий и флуктуаций, способствующих этим событиям, расширяющих масштабы системы, повышающих ее чувствительность к внешнему миру и способствующих возникновению исторической перспективы, т.е. возможности появления других, быть может более совершенных, форм организации» (Пригожин, 1991, с. 50).

Стохастические процессы, нарушающие равновесие, способствуют возникновению структур нового типа — диссипативных. Диссипативные структуры можно

назвать «островками» порядка в мире беспорядка. Такие структуры являются динамическими внутренними организациями, которые появляются в неоднородной среде в результате развития неустойчивостей и поддерживают свой порядок, обмениваясь энергией с окружающей средой. Маркером возникновения диссипативных структур служит взаимосвязь трех аспектов: 1) функции, 2) пространственно-временной структуры, возникающей в результате неустойчивости, 3) флуктуации, запускающей неустойчивости (Пригожин, 2006, с.114). В критических точках выбора за счет чувствительности к малым изменениям, диссипативные структуры интегрируют характеристики «опыта» системы, наделяя ее новой функцией и выступая в виде нового механизма для координации и согласования связей и отношений между элементами. Таким образом, возникающая в сложной системе диссипативная структура (структуры) несет (несут) одновременно как архитектурный, так и функциональный порядок, выстраиваясь в иерархию взаимосвязанных функций все возрастающей сложности.

В психологии личности возникающее есть продукт количественных и качественных изменений личности, результат столкновения разных движущих сил, колебаний и откликов во взаимообмене энергией и информацией с окружающим миром. Возникающее подчеркивает подвижность и текучесть внутреннего содержания личности, его устойчивость и изменчивость. Личность как система, представляющая собой большое число когерентных подструктур, которые обладают числом степеней свободы, значительно превышающих количество самих элементов, чувствительна к любым микроскопическим событиям, отражающимся на взаимодействии подструктур и элементов. Динамичный, «подвижный» характер личностной системы порождает новизну и события, в

свою очередь увеличивающих вероятность возникновения новых событий и дальнейшего развития системы. Это позволяет не только рассматривать личность как вероятностную модель, но и сосредоточиться на изучении внутренних (латентных) подструктур, возникающих в связи с ростом энтропии и сохраняющих свою устойчивость в ходе «преобразования» — переработки энергии по принципу отбора, тем самым актуализируя эволюционный смысл «скрытых» переменных, инициирующих необратимые изменения, принимающие видимый характер на макроуровне.

Соответственно, на микроуровне возникающего интерес представляют не отдельные элементы и подструктуры в их изменении относительно заданных условий, а законы, по которым преобразуются состояния, а также сами *диссипативные структуры* личности. Они непосредственным образом описывают ее «жизнь» как события через пространственно-временное выражение процессуальной природы личности, где процесс — это поток событий, а становление первично по отношению к бытию (Уайтхед, 1990). К таким диссипативным структурам личности могут относиться внутренние образования, рождающиеся в результате столкновения (в особых критических точках) с действительностью и преобразования событий, опыта, переживаний, отношений в образы, модели, цели, стратегии, смыслы, перспективы и возможности, тем самым выступая механизмом поддержки упорядоченности системы в ситуации нарастания хаоса, неустойчивости и перевода ее на новый уровень эволюции. В то же время это не новообразования в традиционном понимании, поскольку они не появляются как результат социальной или биологической детерминации (т.е. заранее не запрограммированы) и могут как возникать, так и исчезать со временем.

Объединяющим измерением макро- и микроуровня возникающего выступает

время, но не в классическом понимании — время как движение, а *время как история*. Классическое понимание времени по Гегелю ориентировано только на настоящее: «до и потом нет; но конкретное настоящее есть результат прошедшего и беременно будущим» (Гегель, цит. по: Хайдеггер, 2003, с. 410). Такое понимание времени М. Хайдеггер называет «чудовищной привилегией», поскольку, если «время это теперь, дело не доходит до *'пробывающего'* различения других измерений (прошедшего и будущего)». Настоящее в нем содержит и прошлое, и будущее. Но в действительности это не так. Предсказуемыми могут быть только некоторые сценарии. Устойчивые формы поведения могут транслироваться из прошлого в будущее, но это всего лишь один из множества возможных вариантов поведения. Любое событие в какой-то момент времени может прервать устойчивое движение, определяя возникновение неустойчивости и случайных траекторий изменений (ансамблем линий), со временем приводящих к переходу на более высокие уровни сложности.

В психологии понятие времени имеет свой особый статус. Психологическое время личности рассматривается как некоторое субъективное измерение, отражающее освоение индивидуальным сознанием временных отношений и закономерностей истории жизни человека (Головаха, Кроник, 2008). Психологическое время представляет собой «горизонт бытия» — индивидуальную жизнь в историческом масштабе.

В контексте *возникающего* время есть внутренняя переменная (или «внутреннее время» в терминологии И. Пригожина), позволяющая различать прошлое и будущее, состояния с разным уровнем энтропии. Состояния системы личности «поляризованы» во времени. Направленность внутреннего времени обозначает историю становления пространственно-временной организации личности и связывает макро-

и микроуровни возникающего. Поэтому основным вектором изучения возникающего является не прошлое, а будущее. Прошлое личности имеет существенное значение для понимания настоящего (что есть личность) и, может быть, ближайшего будущего. Понимание личности как неравновесной системы, которой не свойственна предсказуемость и линейность становления, делает применение такого подхода весьма ограниченным. Процессуальная природа личности обнажает нестабильность и множественность состояний, текучесть (непрерывное, последовательное изменение) внутреннего содержания личности, постоянное изменение элементов системы на уровне отдельных градиентов свойств и структуры (Костромина, 2021, с. 16), в связи с чем будущее личности определяется не столько ее прошлым, сколько *потенциально возможным*.

Изучение возникающего – это исследование возможно допустимых состояний, описывающих «жизнь» структурных элементов, равновесие которых нарушено, состояний, ориентированных в будущее, связанных с возрастанием неопределенности, появлением «несистемных» элементов, расшатыванием структуры и ее преобразованием при переходе на новый уровень – приближением к равновесию в будущем. В случае личности речь идет о понимании взаимосвязи между существующим и «внесением» потоков информации или энергии, нарушающих равновесие и запускающих флуктуации и преобразования. В этот момент образуется «переходный слой» между прошлым и будущим, которое становится результатом отбора одного из возможных состояний, происходящего в точке «выбора» (рис. 2).

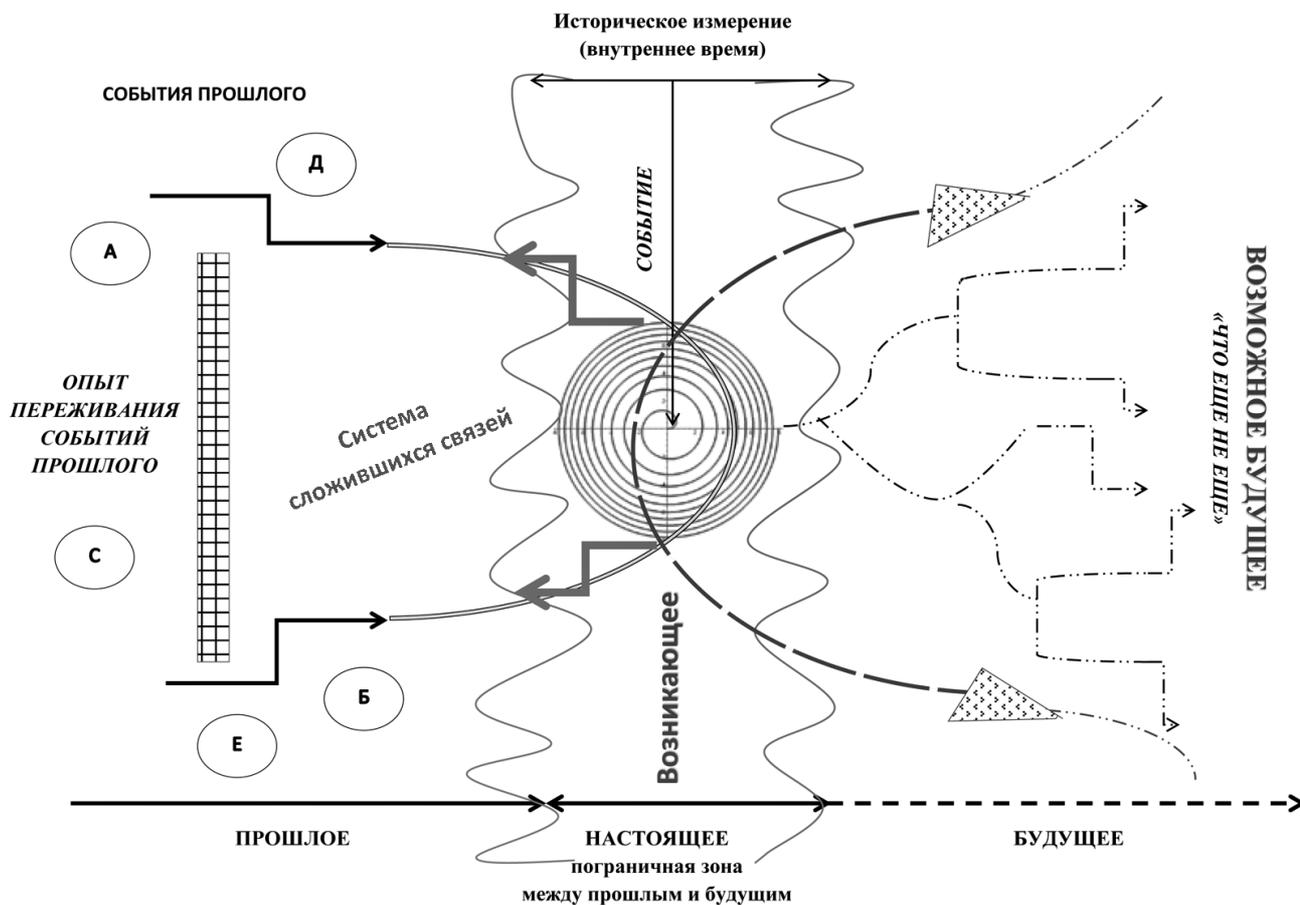

Рис. 2. Время как история изменения системы личности (прошлое отделяется от будущего метафорическими границами, протяженность которых соответствует масштабу события, нарушившего равновесие и «запустившего» флуктуации и преобразования)

Таким образом, возникающее «вписывается» в пространственно-временную организацию личности, становится моментом ее эволюции, поскольку его результатом оказывается нарушение равновесного состояния системы, что в свою очередь ведет к «балансированию» в движении», переходу элементов и подсистем личности из устойчивого состояния в неравновесное и наоборот.

В сложных процессах каждая закономерность имеет некоторый «срок действия» и в какой-то точке (точке бифуркации)... процесс должен свернуть на новую траекторию (Пригожин, 2006, с. 181). «Зоны» бифуркаций создают диапазон множественности решений (множественности состояний), подразумевающих непредсказуемость изменений пространственно-временной организации системы (Николис, Пригожин, 1979). В этом ракурсе формируется исследовательское пространство, сдвигающее предмет психологического исследования с существующего на возникающее. Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений, поскольку и понятие изменений, и понятие возможного относятся к процессуальной природе личности. Тем самым процессуальный подход необходимо соединяет две активно развивающиеся области: психологию возможного и психологию изменений.

ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО И ПСИХОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

Методологические принципы описания нерегулярных процессов, собственных макроскопическим системам и «преодолевающим вековую пропасть, разделявшую бытие и становление» (Пригожин, 2000, с. 130), определяют подход к исследованию возникающего в психологии личности, органично соединяя изменчивость и возможное.

Понятийные и проблемные поля возможного и изменяющегося имманентно связаны между собой: изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Момент соединения возможного с готовностью/способностью личности к изменениям порождает *возникающее*. Таким образом, исследование *возникающего* в психологии личности определяется его пониманием как *результата изменений в пространстве возможного*. Возникающее обнажает диалектическую связь возможного и изменяющегося.

Концепт возможного имеет междисциплинарный статус. Традиция обсуждения категории возможного берет свое начало в философии. В психологии одним из первых к понятию возможного обращается К. Левин, рассматривавший жизненное пространство как пространство возможностей. Особое влияние на понимание его природы оказали работы К. Поппера, в гуманитарных науках – работы М.Н. Эпштейна (в частности, его «Философия возможного»). «Про возможное нельзя сказать, есть оно или не есть, но оно передает особый модус потенции – “могу” – “можеествование”. Это существенно отличает возможное от случайного. <...> Случайное – то, что есть, но чего *может и не быть*, тогда как возможное – то, чего нет, но что *может быть*» (Эпштейн, 2001, с. 4).

Важнейшим аспектом развития философских и методологических идей возможного для психологии личности выступает **объединение категории возможного и понятия «мир»** (Рубинштейн, 2003). Конструкт «возможный мир», введенный Г. Лейбницем, стал одним из широко используемых теоретических инструментов в разных областях знания. Возможный мир понимается «как одна из возможных комбинаций возможного состояния дел, то есть как мыслимый мир» (Cerezo, 1998,). В некотором роде это совокупность возможностей,

которые могут *непротиворечиво образовывать одно целое*, не исключая возможности друг друга (Bradley, Swartz, 1979). Идея возможных миров транслирует ценность множественности и плюрализма через образование системной целостности.

Для психологии личности, на наш взгляд, наиболее значимым является конструкт «мир возможного». Смысловая разница состоит в том, что, говоря о мире возможного, мы фокусируем внимание не на альтернативности, а на *совместимости* возможного с реальным миром, с тем, как возможное его постепенно преобразует, в то время как «возможный мир» подразумевает мир отличный от нашего мира. *Мир возможного содержит в себе потенцию бытия.*

Понятие «мир возможного» дополняет исследования личностной феноменологии теми событиями, которые сейчас рассматриваются как нетипичные проявления, но существующие в жизни современного человека. Мир возможного не может быть рассмотрен в отрыве от мира реального, поскольку раскрывается исключительно в нашем существующем мире. Так, цифровой мир является миром возможного: Интернет как сетевой ресурс или «фабрика утопий» (Асмолов, Асмолов, 2019) создает разные формы социальных отношений, ослабляет влияние доминирующих культурных отношений, позволяет активно воплощать то, что казалось невозможным. Новые измерения виртуальности и транскультуральности усиливают чувство возможного и расширяют опыт возможного за счет роста разнообразия возможностей. Непрерывно возрастающие возможности, отражая развитие цивилизации, приводит к росту значимости жизни каждого отдельного человека, смыслонасыщенности личности. Как справедливо замечает Эпштейн, «личность — это возможность самой себя, которая не исчерпывается никакой самореализацией. <...> “Я” — это вечная неосуществимость, и, если бессмертие возможно,

то именно потому, что личность никогда и ни в чем вполне не осуществляется, а значит, и не может исчезнуть как возможность” (Эпштейн, 2001, с. 248).

Потенциальная природа возможного и его соотнесенность с реальным миром человека раскрывает сразу несколько важных моментов для изучения личности. Выражения «возможные последствия», «возможные варианты», «возможные решения» относят нас к вероятному будущему, которое человек пытается предвидеть. В таком аспекте возможное предстает как вероятность, которая отражает варианты осуществимости того или иного события или действия и противопоставляется невозможному. Тем самым возможное, с одной стороны, относится к расширению границ необходимого, а с другой — подчеркивает его воплощаемость, что может быть крайне интересно при исследовании процессов самодетерминации и автономии личности. Конструирующая способность мышления способствует преодолению границы необходимого, трансформируя невозможное в возможное, и создавая мир возможного настолько, насколько это позволяет себе сам человек.

Качественная характеристика возможного неразрывно связана с существованием иного. Она непосредственным образом подчеркивает разнообразие и изменчивость личности при сохранении тождества: «единство бесконечной множественности» — так С.Л. Рубинштейн описывал изменчивость психического, его способность трансформироваться и преобразовываться, переходить из одного состояния в другое, существовать в разных ипостасях (Рубинштейн, 2003, с. 303).

Множественность, неопределенность и непредсказуемость изменений пространственно-временной организации личности определяется ее потенциальностью, возвышающейся над реальностью. Возможное как потенциальное открывает, насколько потенциальность богаче любой

актуальности. Разность между ними – как раз та зона избыточности, которая и проявляется в нетипичной или кажущейся бесполезной активности, которая не укладывается в прокрустово ложе необходимого, но одновременно свидетельствует о переходе из области реального в область возможного.

Личность – это особая область потенциально возможного в человеке, которая определяется ее открытостью и неравновесностью. Мы можем «измерять» личностный потенциал в количестве элементов, однако подлинная потенциальность личности определяется ее процессуальной природой. Процессуальность как свойство личности есть неограниченный потенциал ее изменчивости, потенция быть иной, быть другой (Гришина, Костромина, 2021). Именно поэтому человек несводим к актуальным формам существования. «Универсальное – это множество свойств, заключенных в одной личности, <...> свойство, оставаясь одним, быть потенциально многим, быть всем тем, чем можно быть» (Эпштейн, 2001, с. 130). Именно поэтому психология возможного в широком смысле имеет дело со всеми видами человеческой потенциальности (Там же, с. 261).

Эвристический потенциал категории возможного открывает перспективы исследования предметного поля возникающего. В уже упоминавшейся работе о новых ориентирах психологии личности Д.А. Леонтьевым был сформулирован тезис о том, что разработка нового подхода к пониманию личности напрямую связана с «вхождением» в предметную область психологии личности группы феноменов, относящихся к области «возможного» (Леонтьев, 2011, с. 10). Пространство возможного расширяет понимание личности за счет явлений, которые необязательны, наполняет реальность действиями, не сводимыми к адаптивным, снижает определенность и максимизирует потенциальные смыслы. В своей недавней работе

В.В. Знаков (2020) обозначает особую роль возможного в понимании и интерпретации человеком своего бытия. Понятие возможного стало ключевым в концепции возможных «Я», которую разработали Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius 1986), она активно используется в исследованиях психологии личности. Приведенные примеры иллюстрируют богатство подходов к использованию категории возможного в психологии.

Возникающее (в данном случае) является актуализацией возможного, превращением возможного в реальное, что проявляется в изменениях.

Важно отметить, что традиционно проблема измененности человека в психологической науке рассматривалась в контексте психологии развития. Однако в современной психологии понятие изменения приобретает самостоятельный статус. Оно – в отличие от понятия развития – в большей мере отвечает «ненаправленности перемен» (З. Бауман, 2011), характерных для современной реальности, как и в целом задаче «изучения изменяющегося человека в изменяющемся мире». Во многом усиление внимания к понятию изменения связано с нарастающим влиянием динамических подходов в современной психологии личности (Гришина, Костромина, 2021). Так, последний номер 2020 г. европейского журнала по проблемам личности «European Journal of Personality» представляет собой специальный выпуск, посвященный новым подходам к концептуализации и оценке личности (2020). Практически все размещенные в журнале статьи освещают динамические подходы к пониманию и исследованию личности – как фундаментальные основания и принципы динамических подходов, так и вопросы динамики отдельных личностных характеристик и состояний.

Понимание личности как открытой неравновесной системы раскрывает диалектику возможного и изменяющегося

через взаимодействие всех ее динамических систем и подсистем в условиях непрерывного взаимодействия с окружающим контекстом, наделяя это взаимодействие потенциалом неограниченной множественности. Личность находится в процессе постоянного становления и изменения, в постоянном «пребывании в изменениях». Личность наделена широким диапазоном возможностей, обеспечивающих вариативность ее проявлений, в частности, смену режимов функционирования и выхода за задаваемые ситуацией рамки. Изменчивость рассматривается как имманентная, интегральная характеристика процессуальности личности. Тем самым в процессуальном подходе соединяются идеи возможного и изменяющегося, что наделяет его значительным эвристическим потенциалом и открывает новые перспективы в исследовании личности.

Принципиальное значение идеи неравновесности для науки в целом и психологической науки в частности состоит в том, что она открывает «возможность для возникновения уникальных событий, ибо спектр возможных способов существования объектов в этом случае значительно расширяется (в сравнении с образом равновесного мира)». И далее: «Следовательно, лишь в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флюктуации, способствующие этим событиям, а также происходит расширение масштабов системы, повышение ее чувствительности к внешнему миру и, наконец, возникает историческая перспектива, т.е. возможность появления других, быть может более совершенных, форм организации» (Пригожин, 1991, с. 50). В данном положении статьи И. Пригожина можно усмотреть связь с работой А. Уайтхеда «Процесс и реальность» (1990), в которой проводится различие между объектами и событиями. Последние понимаются как пространственно-временное выражение процессуальности природы, соответствен-

но процесс — это поток событий, а становление первично по отношению к бытию (Уайтхед, 1990).

Таким образом, именно динамичный, «подвижный» характер системы порождает новизну и события, что, в свою очередь, увеличивает вероятность возникновения новых событий и дальнейшего развития системы. Понятие события может рассматриваться как одна из возможных операционализаций категории возникающего.

В приведенных выше высказываниях понятие события используется в общенаучном смысле. Его общее понимание означает нечто происходящее в некоторый момент времени и рассматриваемое как изменение состояния объекта (системы); тем самым событие фактически выступает в качестве единицы изменения.

В этом значении понятие события использует в своем описании жизненного пространства К. Левин. Для него жизненное пространство человека — это пространство событий. По Левину, важнейшей характеристикой жизненного пространства является его рассмотрение как множества возможных событий. Принципиальным для понимания существования индивида в его жизненном пространстве является то, что возможно и что невозможно для него в данной ситуации. Если жизненное пространство представляет собой совокупность возможных событий, тогда все психологические «объекты», которые входят в ситуацию, должны быть охарактеризованы их связью с возможными событиями. Каждое изменение психологической ситуации для человека означает, что определенные события, которые были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»).

В отечественной психологической науке понятие события чаще всего используется в качестве единицы описания жизненного пути. Статус понятия *события* был определен известным высказыванием

С.Л. Рубинштейна: «Жизненный путь личности структурирован на элементарные единицы – события – “узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути”, нашедшие отклик во внутреннем мире личности. В силу способности затронуть личность, породить субъективные переживания биографический факт становится фактом психическим» (Рубинштейн, 2003, с. 369). Особая роль понятия события в исследованиях психологии личности определена тем, что события – это ключ к пониманию не только жизненного пути человека, но и его самого. В концепции Рубинштейна человек есть субъект собственной жизни, личность сама определяет свою жизненную историю, через свои поступки и жизненно значимые решения. Таким образом, понятие события в отечественной психологии относится к «жизненной» проблематике.

Особенное значение этого понятия, на наш взгляд, может быть определено через его связующую роль пространственных и временных координат жизни человека: событие включено в актуальное жизненное пространство «здесь-и-сейчас», но при этом, в силу своей значимости, входит и в более протяженные единицы человеческой жизни, жизненный путь человека, его жизненный сценарий, по отношению к которым события выступают как своего рода «скрепы», связующие его отдельные части.

Событие – это всегда изменение, нечто созидающее и изменяющее. Пронизывая «стрелу времени» (А. Эддингтон), событие «разграничивает» прошлое и будущее (рис. 2). Оно различает прошлое и будущее, образуя протяженное настоящее в непрерывном потоке опыта. Длительность настоящего, т.е. интервал, разделяющий прошлое и будущее, определяется только индивидуальностью переживания события – слое «внутреннего времени», в котором происходят изменения, задающие траекторию будущего развития.

Переживание события не только нарушает равновесие, оно переструктурирует психологическую картину текущей ситуации, способствует установлению смысловых и функциональных связей, в результате чего возникают новые структуры, состояния и формы активности. Их возникновение в свою очередь тоже является событием – событием уже внутри самой системы личности, поскольку возникающее влечет за собой переход на новый режим функционирования, усложнение самой системы личности.

Для возникновения события необходимы определенные условия, которые образованы совместным «вкладом» объективных и субъективных факторов; при этом чем больше «вклад» первых, тем меньшую роль играют вторые, и наоборот. Субъективный вклад человека в события своей жизни означает его авторство по отношению к собственной жизни, которое определяется степенью участия человека в жизненных ситуациях, его включенностью в них, что и превращает обыденные ситуации реальности в событие. Соотношение объективного и субъективного в возникновении событий, однако, может различаться в разных типах событий (Гришина, 2020). Событие является результатом превращения возможного в действительное, причем авторство человека применительно к собственной жизни проявляется как по отношению к возможному (видение возможностей, преодоление избыточных степеней свободы, личностный выбор и т.д.), так и по отношению к использованию этих возможностей (способность/готовность к изменениям).

Таким образом, координаты возможного и изменяющегося сопрягаются в возникающем, образуя единое проблемное поле. Авторство человека по отношению к возникающему может рассматриваться в качестве ключа к пониманию того, как он относится к возможному и изменяемому

в его жизни, в частности через вычленимое им событийность собственной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для современной психологии личности характерен переход от описания статичных структур к разработке процессуально-динамических подходов. Динамические подходы имеют свою историю в психологической науке, однако сегодня они обогащаются новыми идеями и концептами. Современная психология личности как психология современного человека основывается на психологической феноменологии и понятиях возможного и изменяющегося. Психология изменений и психология возможного как области исследовательского внимания методологически, концептуально и феноменологически связаны между собой. Связь проблемных и понятийных полей возможного и изменяющегося имеет имманентный характер: изменения могут происходить только в сфере возможного, а оно потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Результатом соединения возможного с изменениями становится *возникающее*.

Понятие *возникающего*, на наш взгляд, является тем элементом, который необходим для описания процессуальности личности, ее динамики, поскольку именно возникающее, нарушая равновесное состояние системы, ведет к дальнейшему переходу элементов и подсистем личности из неравновесного состояния к устойчивому и наоборот.

Тем самым диалектика возможного и изменяющегося в природе личности как открытой неравновесной системы приобретает определенность благодаря введению в этот процесс понятия возникающего.

1. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разно-

образия // Психол. исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html>

2. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопр. психол.* 2017. № 4. С. 3–26.
3. *Асмолов Г.А., Асмолов А.Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // *Вопр. психол.* 2019. № 4. С. 1–26.
4. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 10.05.2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992>
5. *Гришина Н.В.* Жизненное событие: сила обстоятельств и авторство личности // *Вестн. Моск. гос. областного ун-та (Электронный журнал)*. 2020. № 4. С. 164–182. doi:10.18384/2224-0209-2020-4-1045
6. *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // *Психол. журн.* 2021. Т. 42. № 3. С. 5–17.
7. *Кроник А.А., Головаха Е.И.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
8. *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
9. *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // *Человек в ситуации неопределенности* / Под ред. А.К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
10. *Знаков В.В.* Психология возможного. М.: Ин-т психологии РАН, 2020.
11. *Карпенко А.С.* Сверхреализм. Ч. II: от возможного к реальности // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 3. С. 5–24.
12. *Костромина С.Н.* Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // *Новые психол. исслед.* 2021. № 2. С. 7–30.
13. *Леонтьев Д.А.* Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. С. 29–39.
14. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Вопр. психол.* 2011. № 1. С. 3–27.
15. *Леонтьев К.* Цветущая сложность. Избр. статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.
16. *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуацию / Под ред. Ю.А. Чизмадзе. М.: Мир, 1979.

17. *Пригожин И.Р.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М.; Ижевск: РХД, 2000.
 18. *Пригожин И.Р.*, От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: КомКнига: URSS, 2006.
 19. *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопр. филос.* 1991. № 6. С. 46–52.
 20. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
 21. *Северцов А.Н.* Морфологические закономерности эволюции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
 22. *Талей Н.Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2009.
 23. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека: Сб. очерков и эссе. М.: АСТ, 2002.
 24. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии / Сост. И.Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990.
 25. *Чиксентмихайи М.* Эволюция личности. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
 26. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
 27. *Энштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
 28. *Barbour J.* The end of time. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1999.
 29. *Bradley R., Swartz N.* Possible worlds. An introduction to logic and philosophy. Oxford, 1979.
 30. *Cerezo M.* On naming and possibility in Kripke and in the Tractatus // *Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy.* 1998. V. 32. P. 19–25. 10.5840/wcp20-paideia199832533
 31. *Gosling S.* No excuses, it's time to study real people in the real world. Abstract book of the 18th European Conference on Personality, 19–23 July 2016, Romania. 2016. P. 115. URL: <http://www.eapp.org/meetings/conferences/ecp18/>
 32. *Johnson W.* What if personality 'traits' evolve? // *Abstract Book of 19th European Conference on Personality.* Zadar. Croatia. July, 2018. P. 17.
 33. *Markus H., Nurius P.* Possible selves // *Amer. Psychologist.* 1986. V. 41. N 9. P. 954–969. URL: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
 34. *Toomela A.* Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // *IPBS: Integrative Psychol. & Behav. Sci.* 2007. V. 41 (1). P. 6–20.
 35. *Uher J.* Measurement in metrology, psychology and social sciences: data generation traceability and numerical traceability as basic methodological principles applicable across sciences // *Quality and Quantity.* 2020. V. 54. P. 975–1004.
 36. *Uher J.* Personality psychology: Lexical approaches, assessment methods, and trait concepts reveal only half of the story — Why it is time for a paradigm shift // *Integrative. Psychol. Behav. Sci.* 2013. V. 47. N 1. P. 1–55.
 37. *Valsiner J.* Beyond methods to open-systemic methodology in contemporary cultural psychologies. The Sixth Niels Bohr Lecture on Cultural Psychology. Lecture II. February 27. 2018. P. 1–33.
 38. *Valsiner J.* From methodology to methods inhuman psychology. SpringerBriefs in Psychology. Springer. Switzerland 2017. doi: 10.1007/978-3-319-61064-1_8
- References in Russian:**
1. *Asmolov A.G.* Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya // *Psikhol. issledovaniya.* 2015. T. 8. N 40. S. 1. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num2017n54-2?>
 2. *Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M.* Preadaptatsiya k neopredelennosti kak strategiya navigatsii razvivayushchikhsya sistem: marshruty evolyutsii [Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: The ways of evolution] // *Voprosy psikhologii.* 2017. N 4. S. 3–26.
 3. *Asmolov G.A., Asmolov A.G.* Internet kak generativnoye prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: historical-evolutional perspective] // *Voprosy psikhologii.* 2019. N 4. S. 1–26.
 4. *Bauman Z.* Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda. Lektsiya // *Elektronnaya publikatsiya: Tsentri gumanitarnykh tekhnologiy.* — 10.05. 2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992>.
 5. *Grishina N.V.* Zhiznennoye sobytiye: sila obstoyatelstv i avtorstvo lichnosti // *Vestn. Mosk. gos. oblastnogo un-ta (Elektronnyy zhurnal).* 2020. N 4. S. 164–182. doi:10.18384/2224-0209-2020-4-1045
 6. *Grishina N.V., Kostromina S.N.* Protsessualnyy podkhod: ustoychivost i izmenchivost kak osnovaniya tselostnosti lichnosti // *Psikhol. zhurn.* 2021. T. 42. N 3. S. 5–17.
 7. *Kronik A.A., Golovakha E.I.* Psikhologicheskoye vremya lichnosti. M.: Smysl. 2008.
 8. *Guseltseva M.S.* Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmeneniy. M.: Akropol. 2019.
 9. *Zinchenko V.P.* Tolerantnost k neopredelennosti: novost ili psikhologicheskaya traditsiya? // *Chelovek v situatsii neopredelennosti / Pod red. A.K. Bolotovoi?.* M.: TEIS. 2007. S. 9–33.
 10. *Znakov V.V.* Psikhologiya vozmozhnogo. M.: In-t psikhologii RAN. 2020. 257 s.

11. *Karpenko A.S.*, Sverkhrealizm. Ch. II: ot vozmozhnogo k realnosti // *Filosofskiy zhurnal*. 2016. T. 9. N 3. S. 5–24.
12. *Kostromina S.N.* Klassicheskiy «paradoks lichnosti»: est li teoreticheskiye i metodologicheskiye osnovaniya dlya resheniya? // *Novyye psikholog. issled.* 2021. N 2. S. 7–30.
13. *Leontyev D.A.* Zhizn na volnakh khaosa: uroki Prigozhina i Taleba // *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen / Pod obshch. red. A. Asmolova*. M.: Izd. dom YaSK. 2018. S. 29–39.
14. *Leontyev D.A.* Novyye oriyentiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobkhodimogo k vozmozhnomu [New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible] // *Voprosy psikhologii*. 2011. N 1. S. 3–27.
15. *Leontiev K.* Tsvetushchaya slozhnost. Izbr. stati. M.: Molodaya gvardiya. 1992.
16. *Nikolis G., Prigozhin I.* Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsiyu / Pod red. Yu.A. Chizmadzheva. M.: Mir. 1979.
17. *Prigozhin I.R.* Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novyye zakony prirody. M.; Izhevsk: RKhD. 2000.
18. *Prigozhin I.R.* Ot sushchestvuyushchego k vznikayushchemu. Vremya i slozhnost v fizicheskikh naukakh. M.: KomKniga : URSS. 2006.
19. *Prigozhin I.* Filosofiya nestabilnosti // *Vopr. filos.* 1991. N 6. S. 46–52.
20. *Rubinstein S.L.* Bytiye i soznaniye. Chelovek i mir. SPb.: Piter. 2003.
21. *Severtsov A.N.* Morfologicheskiye zakonomernosti evolyutsii. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1939.
22. *Taleb N.N.* Chernyi? lebed: pod znakom nepredskazuyemosti. M.: KoLibri: Azbuka-Attikus. 2009.
23. *Teilhard de Chardin P.* Fenomen cheloveka: Sb. ocherkov i esse. M.: AST. 2002.
24. *Whitehead A.* Izbrannyye raboty po filosofii / Sost. I.T. Kasavin; obshch. red. i vstup. st. M.A. Kisselya. M.: Progress. 1990.
25. *Csikszentmihalyi M.* Evolyutsiya lichnosti. M.: Alpina non-fikshn. 2017.
26. *Heidegger M.* Bytiye i vremya [Sein und Zeit]. Kharkov: Folio. 2003.
27. *Epshtein M.N.* Filosofiya vozmozhnogo. SPb.: Aleteyya. 2001.

Поступила в редакцию 25. VI 2021 г.